

ОБОЗРЕНИЕ ИТОГОВ XX МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ВИЗАНТИНОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (Париж, 19–25 августа 2001 г.)

Очередной XX (юбилейный) Международный конгресс византистов состоялся в Париже 19–25 августа 2001 г. Подготовка и проведение Конгресса осуществлялась в данном случае Французским национальным комитетом¹.

Число участников Конгресса было на этот раз рекордным: на 20 августа зарегистрировались 772 делегата. Фактически же в Конгрессе приняли участие около 900 ученых (немало делегатов прибыли после открытия Конгресса и регистрировались с запозданием). Для сравнения – в одном из самых крупных XVIII Московском конгрессе 1991 г. участвовали около 700 ученых.

Рекордным было и число членов российской делегации – 60 (а вместе с двумя издателями, ответственными за книжную выставку, – 62). Наша делегация уступала по численности только греческой (112) и французской (109)². Молодых (до 34 лет) ученых в составе российской делегации было 21 (т.е. треть ее состава), что и было особо отмечено на заключительной сессии Конгресса.

Российские делегаты представляли 18 научных центров в 8 городах России: в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Волгограде, Барнауле, Тюмени, Владивостоке и Коломне. Сотрудников академических институтов было в делегации 24 человека (Институт всеобщей истории – 17 делегатов, Институт славяноведения – 2, Институт русского языка – 1, Санкт-Петербургский Институт истории – 3, Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения – 1). 21 делегат представлял высшие учебные учреждения (МГУ – 8 человек, Уральский университет – 4, Санкт-Петербургский – 2, Волгоградский – 2, Российский государственный гуманитарный университет – 1, Университет дружбы народов им. Лумумбы – 1, Алтайский – 1, Тюменский – 1, Коломенский педагогический университет – 1). От Государственного Эрмитажа было 6 делегатов, от Института искусствоведения Министерства культуры – 7, от Государственного Исторического музея – 1, от Дальневосточного института искусств – 1.

Беспрецедентными были льготы, предоставленные французским Оргкомитетом российской делегации. Все российские делегаты были освобождены от уплаты вступительного взноса. 10 молодых ученых и 14 делегатов старших возрастов были приглашены на статусе гостей Оргкомитета. По имеющимся в нашем Нацкоме сведениям, кроме пяти делегатов, прибывших в Париж и пребывавших там только на собственные средства, все остальные получили поддержку либо от своих научных и учебных учреждений, либо от научных фондов (в том числе 10 человек – от РФНФ).

---

¹ Учитывая слабую осведомленность молодых византистов России о деятельности Международной ассоциации византиноведческих исследований, редакция “Византийского вестника” публикует в конце данного обзора официальный статут Ассоциации (см. с. 224). В настоящее время ее членами являются национальные комитеты следующих тридцати шести стран: Австралии, Австрии, Англии, Бельгии, Болгарии, Бразилии, Ватикана, Венгрии, Греции, Грузии, Дании, Израиля, Ирландии, Испании, Италии, Канады, Кипра, Китая, Нидерландов, Норвегии, Польши, России, Румынии, США, Турции, Украины, Франции, Финляндии, Хорватии, Чехии, Чили, Швеции, Эстонии, ЮАР, Югославии, Японии.

² Цифры приблизительны: Оргкомитет не давал точных сведений о численности национальных делегаций.

В структуре Конгресса было 8 пленарных сессий (состоялось 60 докладов), 25 круглых столов (225 выступлений) и 27 так называемых “открытых сессий” (практически – секций) (около 430 сообщений)³.

Российские делегаты выступили на 3-х пленарных заседаниях (сделав 6 докладов, т.е. 10% от их общего числа), на 6-ти круглых столах (10 выступлений) и в 21 секции (42 сообщения)⁴.

Российские ученые руководили работой 3-х секций (Г.Г. Литаврин, И.П. Медведев, Б.Л. Фонкич). Примечательно, что пленарные заседания открылись выступлением российского делегата М.В. Бибикова на первой сессии, посвященной византийской литературе. Четыре российских доклада состоялись 25 августа на двух последних пленарных сессиях (доклады С.П. Карпова, А.А. Талызиной, В.Г. Ченцовой – на сессии “Люди Запада в городах византийских провинций” и доклад И.П. Медведева – на сессии “Instrumenta studiorum”). Пленарный доклад О.С. Поповой состоялся 22 августа на сессии “Афон – Святая Гора. Традиции и новации в искусстве”.

Исключая 2–3 случая, все российские делегаты выступали на трех основных западноевропейских языках. По весьма неполным сведениям от коллег все выступления российских делегатов были с интересом восприняты аудиторией.

Конгресс был тщательно подготовлен, и его организация, как и структура, не вызвали особых нареканий участников. Часть делегатов, однако, в том числе российских, высказывали недовольство тем, что подготовленные ими выступления для круглых столов были перенесены (без ведома авторов) в секции. Необходимо учесть, однако, что программа заседаний круглых столов оказалась чрезмерно перегруженной, и у организаторов не оставалось другого выхода, как перенести в секции часть выступлений, заявленных для круглых столов.

Не столько перегруженность программы, однако, сколько большая численность участников Конгресса обусловила и на этот раз почти полное отсутствие дискуссий. В лучшем случае задавались (коротко) вопросы докладчикам и следовали столь же краткие ответы. Этот недостаток остается в настоящее время общим для больших научных форумов и требует, видимо, кардинальных изменений в организации международных конгрессов вообще.

Кратко о научной проблематике Конгресса. Его тематика отличалась большим богатством и продуманностью ее звеньев. В частности, тематика большинства круглых столов и части секций была соотнесена с проблематикой пленарных заседаний. В качестве пленарных были определены 8 тем (напомним, что тематика форумов византинистов должна отражать разные отрасли византиноведения как комплексной дисциплины и что последняя пленарная тема на конгрессах традиционно посвящается “Instrumenta studiorum” и носит по большей части информационный характер).

Итак, пленарные темы: 1. Дух и форма в византийской литературе. 2. Эволюция византийской деревни в V–XIV вв.; 3. Византия между христианским Западом и мусульманским миром. Данные искусств. 4. Афон – Святая Гора. Традиции и новации в искусстве. 5. Состояние исследований в сфере византийского права. 6. Византия – Поствизантия. Периферия во времени и пространстве. 7. Люди Запада в городах византийских провинций. 8. Instrumenta studiorum.

В целом проблематика пленарных сессий довольно точно отражает основные приоритеты в научных направлениях современного мирового византиноведения. Очевидная особенность состояла на этот раз в том, что Оргкомитет ориентировал модераторов и координаторов на освещение тех тем и проблем, которым в последние десятилетия не

³ Тезисы пленарных докладов, выступлений на круглых столах и сообщений на секциях были изданы до открытия Конгресса и предоставлены всем делегатам вместе с программой: XXe Congrès International des études byzantines. Pré-actes. I. Séances plénières. II. Tables rondes. III. Communications libres. Paris, 2001.

⁴ Точность приведенных цифр относительна: в программу в ходе Конгресса вносились поправки, часть докладов не состоялась. К закрытию Конгресса Оргкомитет не успел обработать статистические данные на этот счет.

уделялось достаточного внимания. Это прежде всего местная специфика удаленных от центра империи регионов, независимо от того, остались ли эти провинции в составе Византии или были потеряны ею в VII в. (Сирия, Палестина, Северная Африка, север Балкан), а также преобладание проблем, относящихся хронологически к ранневизантийскому периоду. Значительно большее внимание проявлено в программе к проблемам искусства и истории культуры. 4-м из 8-ми сессий посвящены по преимуществу именно этой тематике (сессии 1, 3, 4, 6). Несомненно, удачным является включение в число пленарных заседаний вопроса о состоянии изучения в настоящее время византийского права – проблемы, долго остающейся на периферии научных интересов византинистов. Сравнительно меньше места заняла на XX Конгрессе, как и на XIX, социально-экономическая (в частности – аграрная) тематика.

Переходя к обозрению пленарных докладов, целесообразно попутно коротко сказать и о том, какое развитие получила каждая пленарная проблема на круглых столах и в секциях.

По первой теме состоялось 7 (?) докладов из 9-ти запланированных, охватывающих широкие аспекты развития византийской литературы на всем протяжении ее истории.

20 лет назад, на XVII Конгрессе в Вене и на пленарных, и на секционных заседаниях проблемы литературы были представлены в весьма широком тематическом разнообразии, а дискуссии были в основном сосредоточены вокруг дилеммы антикизированной формы и средневекового содержания византийской литературы. Теперь же особое внимание привлекла проблема сложности самого понятия литературы Византии: зачастую, даже в творчестве одного и того же автора присутствуют и элитарные и популярные мотивы. Нормальные данные языка и стиля не исчерпывают “социальную” атрибуцию читательского круга.

Так, М.В. Бибииков (Россия) стремился сопоставить в своем докладе исторические мемуары XII–XIII вв. (Анна Комнина, Никита Хониат) с их так называемыми “народно-язычными парафразами” (Феодор Скутариот) и с поэтическими опытами той эпохи (Феодор Продром, Михаил Глика), представляя византийскую литературу как своеобразную сбалансированную словесно-стилистическую игру между классицизмом и “народностью в условиях подъема литературного образования и роста престижности литературного творчества в комниновскую и посткомниновскую эпоху”.

В. Конка (Италия) подчеркнул важное место в стилистике религиозной поэзии (Григорий Назианзин, Роман Сладкопевец и др.) сугубо мирских, часто даже языческих мотивов. Напротив, Р. Маэзано (Италия), сравнив библейские аллюзии у Романа Сладкопевца и Никиты Хониата, показал многофункциональность библейских цитат в памятниках самого разного содержания, даже весьма далеких от духовной литературы. Д. Матино (Италия) и Л. Перно (Франция) показали важную роль риторики в таких, казалось бы, “прагматических” сферах творчества, как юриспруденция и политический диалог (Феодор Метохит). А.-М. Иерачи-Био определила пути трансформации формы и роли античного диалога в литературной реальности империи от Захария и Синесия до Михаила Пселла и Алексея Макремволита.

И. Шевченко в своем пленарном докладе вернулся к проблеме “оригинальности” византийской литературы, считая эту категорию скорее принципом эстетики нового и новейшего времени, чем критерием оценки собственно средневековой литературы, подвергнув анализу славящие “хорошей литературой” труды Фотия, Иоанна Геометра, Григория Пардоса, Михаила Пселла и Иосифа Ракендита.

Руководитель пленарной сессии А. Гарсиа (Италия) остановился на специфике византийской литературы как феномена средневековой культуры, апеллируя к моделям М.М. Бахтина и полемизируя с аксиологизмами Ф. Дэльгера. Докладчик представил византийскую литературу как сложное сочетание разных компонентов и на языковом и на содержательном уровнях, как многообразную мозаику стилей, тенденций, сюжетов и направлений, противоречащих представлениям о пресловутом конформизме византийских авторов.

Живой, развивающейся, далекой от статичности, абстрактности и консервативности византийская литература была представлена во всем разнообразии жанров в докладах и

сообщениях на круглых столах и секциях. Активно участвовали при этом в дискуссиях молодые византилисты, среди которых находились и российские делегаты.

Особое заседание было посвящено византийской историографии и хронографии. О. Смирнова (Россия) показала значение как неоплатонистских идей, так и языческих и бытовых топосов (гадания, магия и мистика) в изображении исторической реальности Евнапием и Зосимом. И. Ващева (Россия) рассмотрела главные аспекты формирования принципов ранневизантийского христианского историзма, анализируя сочинения Евсевия Кесарийского, пространственно-временные ориентации которого легли в основу представлений византийских авторов о структуре мироздания как в географическом, так и историческом отношениях.

Х. Синьес-Кодоньер (Испания) трактовал “Тайную историю” Прокопия Кесарийского в контексте его “Войн” как выражение идей антиюстиниановской оппозиции. Ж. Шамп (Швейцария) рассмотрел творчество Иоанна Лида в тесной связи с личной жизнью и служебной карьерой автора. С. Лантеос (Австрия) возводил византийскую мировоззренческую антитезу двух миров “Восток–Запад” уже к ранневизантийской эпохе, проследив ее на географическом, государственном, религиозном и культурно-идеологическом уровнях. Д. Фредо (Ирландия) вскрыл методiku создания портретов у Георгия Писиды (Фока, Ираклий) как сочетание имперских традиций и политических реалий в риторике его времени. К. Максимович (Россия) предложил анализ творчества Никона Черногорца в контексте разных редакций так называемой “Хроники Логофета” (Лев Грамматики и др.).

Многообразие жанрово-стилевых форм византийской исторической литературы определялось, таким образом, как классическими традициями, так и реалиями живой действительности.

Повышенный интерес был проявлен к функциональной роли византийской литературы, естественным образом рассмотренной на заседании, посвященном богословию и литургике. Н. Смелова (Россия) отметила особенности богородичных текстов на фоне как западно-, так и восточнохристианской “мариологии”. А. Кузнецов (Россия) на примере терминологии Максима Исповедника, относящейся к Божественному Слову, осветил специфику византийской гносеологии VII в. Б. и Дж. Хэмилтон (Великобритания) выявили сходство идей Симеона Нового Богослова и Орлеанского Канона 1022 г. А. Бармин (Россия) охарактеризовал трактат “Об опресноках” Иоанна Клавдиопольского как источник сочинений конца XI в. переяславского митрополита Ефрема, которого следует отличать от киевского митрополита середины того же века.

Л. Авилушкина (Россия) анализировала апокрифические сюжеты в хронике Михаила Глики, снискавших ей популярность как в современной ей византийской, так и в древнерусской литературе.

Функциональным особенностям византийской агиографии была посвящена специальная секция. Место агиографии в формировании культов святых рассмотрел А. Папаконстантину (Франция). А. Кюлцер (Австрия) выявил следы антииудейской полемики в житиях как VII (Симеон Юродивый), так и XI в. (Никон Метаноите).

Жития святых-воинов и военные сюжеты в житиях были рассмотрены соответственно К. Вальтером (Франция) и М. Детораки (Греция). А. Виноградов (Россия), анализируя андреевскую традицию, показал место монаха Епифания (ок. 815–843 гг.) как создателя средневизантийской агиографической литературы. И. Тамаркина (Россия) предложила датировать жизнеописание патриарха Игнатия временем ок. 886 г. О. Родионов (Россия) выявил специфику параллелизма (стилистического и сюжетного) между житиями византийских святых-исихастов и древнерусской агиографической традицией конца XIV–XV вв.

Ряд заседаний круглых столов и секций, на которых были рассмотрены такие темы, как гимнографические жанры, этноистория, монашество, проходили параллельно во времени с другими сессиями, посвященными проблемам литературоведения. Между тем на этих заседаниях сделали в частности свои интересные доклады Г. Алексева (Россия) о византино-древнерусской семиографии и А. Ванькова (Россия) о социально-правовом статусе византийского монашества.

Что же касается темы второй пленарной сессии, предусматривавшей рассмотрение вопросов аграрной истории (о византийской деревне), то и постановка проблемы и ее ре-

шение отличались неожиданным своеобразием. Из запланированных 5-ти докладов 2 были посвящены западноевропейской деревне (Б. Кюрсант. “Деревня на средневековом Западе. IX–XIV вв.” и К. Уикхэм. “Развитие деревни на Западе. 300–900”). Несомненно, Оргкомитет, принимая эти доклады в качестве пленарных на конгрессе византистов, надеялся на рассмотрение проблемы в историко-сравнительном плане (общее и особенное в жизни деревни на Западе и Востоке). Однако этого не произошло: авторы постарались избежать отвечающей замыслу организаторов постановки проблемы. Один из докладчиков (Б. Кюрсант), признавая необходимость периодического сравнительного изучения западной и византийской деревни, видел свою цель в том, чтобы показать все те трудности, с которыми в таком случае предстоит встретиться исследователю. Во-первых, он констатировал чрезвычайное многообразие форм аграрной жизни и типов деревни в разных географических и климатических зонах самого Запада и различий в традиционных формах организации и происхождения сельских поселений. Во-вторых, он отметил, по сколь многочисленным параметрам предстоит сделать сопоставительное исследование западной и византийской деревни. Однако названные автором критерии для сравнения относятся в основном к той сфере деревенской жизни, которые могут быть выявлены или уточнены главным образом с помощью археологии, а именно: структура поселения, расположение домов, их размеры и материал, крестьянские пахотные участки, место деревни в окружающем ландшафте, характер связи первоначального ядра поселения с окружающими его жилищами, деревня и замок, деревня, церковь и погост и т.п. В заключение своего доклада Б. Кюрсант прямо заявил, что он не готов к детальному сравнительному анализу. “Отчасти и было предусмотрено не вводить в этот доклад критерии для сравнения Запад–Восток, чтобы не затруднять дискуссию”, поскольку предварительного рассмотрения требует множество непроясненных фактов и явлений.

Второй докладчик (К. Уихмэн), также констатировав множество местных особенностей в Западном Средиземноморье, упомянул лишь о некоторых характерных отличиях (социальных и культурных) аграрного режима в этом регионе сравнительно с положением дел в Восточном Средиземноморье: более слабые внутриобщинные связи на Западе и более слабые связи деревни с городом, более сильный контроль над деревней со стороны крупных собственников, предпочитавших (в отличие от собственников Византии) жить не в городах, а в своих поместьях. Автор связывает будущий прогресс в сравнительных изысканиях с тщательным учетом всех региональных особенностей, что станет возможным, по его мнению, лишь с ростом археологических материалов.

Два других докладчика (А. Дюнн и С. Элиас) рассматривали особенности социального и экономического положения деревни в Северной Африке и в Северной Македонии. Первый отстаивал тезис, что вопреки принятому мнению об экономическом упадке данной провинции в позднеантичный период, включая VI–VII вв., археология не подтверждает таких заключений. Автор предлагает, прежде чем сравнивать Северную Македонию с другими регионами, провести комплексное исследование, выяснив многосторонние связи деревни (экономические, социальные и культурные) с римскими *vicis*, с городом, с распределением ранневизантийских приходов, с позднеримскими укреплениями, с местными ресурсами. Второй докладчик, напротив, проводил мысль, что широко распространенное мнение, что Египет перед арабским завоеванием оставался житницей империи, является ошибочным. Со времени войн с вандалами регион находился в упадке. Ярko выраженной была аграризация городской жизни. Экономического восстановления Северной Африки до прихода арабов не произошло.

Третий доклад (П.-Л. Готье) “Деревня византийского Ближнего Востока: новые перспективы” был также посвящен демографическим особенностям ранневизантийской деревни в регионе, отнятом у Византии арабами в 30–40-х годах VII в. (резюме этого доклада, кстати говоря, не было издано в “Предактах” Конгресса).

Не было опубликовано и резюме доклада ответственного за организацию второй сессии Ангелики Лайу (“Эволюция византийской деревни в V–XIV вв.”). Ее доклад являлся в сущности вступлением к рассмотрению поставленной на сессии проблемы: автор ограничилась беглым выборочным обзором новейшей литературы, кратким изложением своей позиции, отраженной в ее трудах, и эскизным обозначением спорных и мало

изученных вопросов (в том числе такой первостепенной, как проблема права земельной собственности в Византии).

Таким образом, новые подходы к изучению в целом одной из важнейших проблем византистики были в сущности только обозначены как программа для исследований на ближайший период.

В стороне от кардинальных проблем аграрная тематика трактовалась и на круглых столах, на которых предполагалось продолжить и углубить дискуссию, завязанную на пленарных сессиях. Назовем вначале все круглые столы: 1. Деревня: региональные исследования (север и запад империи); 2. Деревня: региональные исследования (юг и восток империи); 3. Культурные аспекты деревенской жизни; 4. Монетное обращение в деревне; 5. Сигиллография; 6. Элита и государство во время экспансии; 7. Византийское богословие: приемы и жанры литературы; 8. Монашество: новые подходы; 9. Восточные христиане негречи до ислама; 10. Реликвии и мученичество; 11. Вне пограничных рубежей: византийская икона в позднюю эпоху; 12. Папирус или пергамен; 13. Дипломатическое послание; 14. Прошения в Византии; 15. Умение читать и писать в Византии; 16. Эпистография и поэзия в жанре эпиграмм: актуальные проекты и вопросы методологии; 17. Агиография и литературные источники; 18. Философия и науки времени Никейской империи и правления Палеологов; 19. Жанры гимнографии и их использование в византийском пении; 20. Магия, ритуалы и церемониал; 21. Новые исследования места расположения византийского Константинополя; 22. Византийская Северная Африка; 23. Византийская Италия; 24. Обмен и конфликты между христианским западом и мусульманским миром; 25. Византия и изучение ее истории (вплоть до 2001 г.).

Аграрная тема, по замыслу, должна была рассматриваться на 3-х круглых столах: в 15 докладах на 1-м и 2-м круглых столах (“Деревня в северных и западных провинциях”, “Деревня на юге и востоке империи”) и в 9 докладах на 4-м столе (“Монетное обращение в деревне”).

Казалось бы, важнейшим вопросам жизни византийской деревни в 24-х докладах будет уделено достаточно внимания. Однако и здесь этого не случилось. Факт этот представляется тем более неожиданным, что в последнее десятилетие крупным проблемам аграрной истории были посвящены две монументальные монографии представителей западной школы аграрной истории Византии (М. Каплана и Н. Икономидиса⁵), поставивших не мало дискуссионных вопросов.

Совершенно закономерно – в русле пленарной тематики – и на круглых столах продолжалось уяснение региональных особенностей жизни деревни на севере и западе, юге и востоке империи; на четвертом столе о “Монетном обращении в деревне” речь шла также по преимуществу о периферийных районах империи. Здесь в частности, были обнародованы и интерпретированы данные нумизматики (включая новейшие), относящиеся в основном к VI–VII вв. и являющиеся одним из наиболее достоверных источников о состоянии экономики, хозяйственных связей с городом, о монетаризации и масштабах разорений от нападений варваров.

Деревня (причем главным образом ранневизантийская) рассматривалась на круглых столах (с привлечением преимущественно археологических материалов) прежде всего как тип поселения (расположение на местности, обеспеченность природными ресурсами (вода, лес), региональные отличия и типология, корни местных традиций, повседневная жизнь, виды занятий, число, размеры, материал и виды строений, орудия труда и домашняя утварь и т.д.). Большое внимание уделялось также демографическим вопросам: этническому составу населения, его плотности, переменам во времени в связи с завоеваниями внешним врагом или разорениями в результате длительных войн и т.д. При этом в поле зрения докладчиков были как находящиеся во власти империи территории, так и потерянные ею (в Сирии, Палестине, Африке). Имелся здесь и доклад (М. Бомпэра), охватывающий вопросы, связанные с территорией Запада – “Деньги в деревне во Франции и на Западе: историки, археологи, нумизматы” (доклад этот несомненно был заказан организаторами в целях

⁵ *Caplan M. Les hommes et la terre du VIe au XIe siècle. P., 1992; Oikonomidès N. Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe–XIe siècles). Athènes, 1992.*

сравнительного анализа, но ничто не свидетельствует о том, что автор руководствовался подобным замыслом).

Среди докладов о деревне на круглых столах отметим доклад Ж. Лефора (“Деревня в Восточной Македонии”), где особенно важными представляются два тезиса: любая деревня не может быть успешно исследована без ее окружи, без пастбищ, источников и прочих угодий (средняя их величина для каждой деревни в Южной Македонии составляла 15–20 кв. км) и община в той или иной ее форме не исчезла и под господством крупных земельных собственников. Сходные идеи были развиты и в содержательном докладе Л. Максимовича и М. Поповича “Деревня в средневековой Сербии”.

Итак, на круглых столах были достаточно многосторонне рассмотрены вопросы деревенской жизни византийской провинции, в особенности в ранний период истории империи. Было введено в научный оборот не мало новых материалов, сделано много новых наблюдений, намечены перспективные пути и методы дальнейших исследований. Безусловно, важно уяснение и всех поставленных на круглых столах и названных выше вопросов. Но можно ли определить их в качестве основополагающих? На наш взгляд, нельзя. Приходится лишь пожалеть, что ни в одном выступлении на круглых столах не были поставлены, хотя бы в обзорно-историографическом плане, остающиеся дискуссионными кардинальные проблемы аграрной истории Византии (виды земельной собственности, различия между категориями зависимого и свободного крестьянства, пути формирования крупных поместий, доходность крестьянского хозяйства, особенности византийской ренты и т.п.).

Названная выше специфика аграрной проблематики на Конгрессе была характерна, за редкими исключениями, также и для 4-х секционных сессий, посвященных социальным и экономическим проблемам. Причем на одной из этих сессий указанные выше аспекты должны были быть представлены особенно отчетливо (“Деревня, жилище, население”).

Тематика секций была в целом весьма пестрой, как это обычно и бывает на конгрессах. Аграрная проблематика была затронута здесь по большей части только косвенно в 14 сообщениях из 58-ми, в основном на секциях 12 (“Институты, экономика, общество: VIII–XII вв.”) и 14 (“Институты, экономика, общество: XIII–XV вв.”). Сказать о содержании этих сообщений можно то же, что и о выступлениях на круглых столах: освещались периферия, ее особенности, материальная культура; вводились в оборот новые данные археологии.

Несомненно, Оргкомитет рекомендовал и модераторам и организаторам секций специально сосредоточить внимание именно на указанных аспектах, которые долго оставались в тени и не освещались на международных конгрессах (региональные особенности в империи).

В искусствоведческом по преимуществу аспекте (культурное взаимодействие) рассматривалась и третья пленарная тема – “Византия между христианским Западом и мусульманским миром. Данные искусства”. В точном соответствии с этим назначением сессии был сделан (единственный из шести пленарных) доклад Э. Катлер “Обмен одеждой в Византии и исламе: асимметричные источники – симметричные практики”. Докладчица убедительно показала, что обе стороны придавали большое значение взаимному одариванию одеждой, остро ощущая магию костюма и его знаковое выражение (заключенное в покрое, цвете, материале). Кроме этого доклада, косвенное отношение к заявленной теме имел только доклад В. Франсуа “Столовая посуда в Византии: ремесло и рынок, мало подверженные влияниям извне”. В докладе выявлялись следы влияния импортируемой в Восточное Средиземноморье исламской и китайской керамической техники. Отметим попутно, что проблема технологического обмена между византийским и мусульманским мирами трактовалась в секционном докладе на примере стекольного производства Ю.Л. Шаповой (Россия). Автор установила технологическую зависимость исламского стекла от византийской ремесленной практики. Сходный вывод обосновывала Э. Метисис на примере текстиля: на мусульманском Востоке имитировали не только византийскую орнаментику, но и ткацкую технологию.

Целиком византийско-исламской тематике был посвящен круглый стол “Взаимообмен и конфликты между христианским Западом и мусульманским миром” (руководитель У. Кэги). Его доклад “Связь между мусульманскими рейдами в Анатолию и борьбой за Северную Африку в VII в.” был основан на не привлекавшемся ранее отрывке сочинения арабского исто-

рика Ибн Са'да. Докладчик аргументировал вывод, что после прихода к власти Муавии операции арабов в Анатолии, Северной Африке и Средиземноморье были частью общего стратегического плана, призванного обеспечить успех на главном фронте (в Анатолии): наступление в Африке прерывало поток средств в Константинополь из средиземноморских провинций империи и лишало ее стратегических баз. Доклад С. Козентино "Византийский флот перед угрозой мусульманской экспансии" был созвучен выступлению У. Кэги: докладчик подтверждал тезис о том, что начиная с VIII в. (создание фемы Кивирреоты) развитие военного флота империи инициировалось в технологическом и институциональном отношении арабской экспансией и носило вынужденный характер. Лишь в IX–X вв. военно-морской флот империи играл существенную политическую и военную роль. Византийцы с недоверием относились к морю, а значит – к флоту и морской торговле. Служба на флоте, в отличие от сухопутной армии, была менее престижной. Византийская знать была теснее связана с земельными владениями. Возможно, здесь сказалось и влияние библейских представлений о море как о губительной стихии.

Следующие 4 доклада были посвящены византийско-тюркским отношениям в Анатолии в XIII–XV вв. Два доклада касались византийско-тюркского пограничья в Северо-Западной Анатолии в XIII в. с целью уяснения, с одной стороны, причин фатального для византийцев провала, а с другой – генезиса Османского государства, зародившегося в этом регионе и ставшего вскоре одной из сверхдержав позднего средневековья. В докладе Д. Коробейникова (Россия) рассматривалось во многом загадочное восстание в Кастамоне в 1291–1293 гг. против монголов и марионеточного сельджукского режима в Конье. Докладчик продемонстрировал глубокую вовлеченность палеологовской дипломатии во внутритюркское соперничество в Пафлагонии с целью использовать силы кочевников пограничья в своих интересах. Пафлагонской тематике был посвящен и доклад Я. Буга, который внес ряд уточнений в общепринятые представления о сельджукско-византийской границе, подвергнув радикальному пересмотру географию границы, предложенную Г. Острогорским и Э. Арвейлер.

Р.М. Шукуров (Россия) в докладе "Тюрки-христиане и крипто-мусульмане в Анатолии" ввел в научный оборот неизданный персидский источник XV в. (по рукописи "Географии" Хафиза Авбру из Британской библиотеки в Бодли), свидетельствующий о наличии на территории империи христианизированных общин, втайне исповедовавших ислам. Византийская юриспруденция избегала, в отличие от отношения к иудаизму, правового определения ислама, чтобы не создавать юридических оснований для гонений против мусульман как еретиков и язычников, но она же выводила мусульман за пределы византийского социума. Прием в него был жестко обусловлен переходом мусульман в христианство.

Вопрос о взаимном христианско-мусульманском обращении ставился и на круглом столе "Сигиллография". К. Соде сообщила об открытии новой печати, принадлежавшей Изтийар ал-Дину Гафрас (XII в.) – видному представителю исламизированного рода понтийских Гавров. Последним на византийско-восточной секции было сообщение А. Стати-Шурел, содержащее общий обзор христианско-исламских догматических споров в Анатолии в эпоху Палеологов.

Не менее важные сообщения по византийско-тюркской проблематике состоялись в секции "свободных сообщений". Весьма смелым представлялось сообщение М. Баливе "О некотором сходстве между византийцами и тюрками": в течение XI–XV вв. они сосуществовали на одной территории, тесно взаимодействовали и влияли друг на друга, в том числе в культурной сфере, что обусловило возможность культурного диалога и сближения между византийско-христианским и тюрко-мусульманским субстратами. Методологически новаторский подход М. Баливе сопровождался демонстрацией убедительных фактов и послужит несомненно стимулом к дальнейшему изучению проблемы. Созвучные идеи высказывались и в сообщении М. Парани, которая показала, что репрезентация восточных персонажей в византийском искусстве XI–XV вв. носит в целом комплементарный характер, свидетельствующий о притягательности Востока для византийского сознания.

В секции "Институты, экономика, общество" византинист и востоковед Н. Неджипоглу, рассмотрев экономическую ситуацию в Константинополе в 1453 г., показала, что на фоне обнищания массы населения узкий слой горожан обладал большими богатствами, но не пожелал оказать материальную поддержку защитникам столицы.

Традиционная для французской науки тема арабского Средиземноморья (особенно североафриканского) была широко представлена на круглом столе “Деревня: региональные отличия (юг и восток империи)”. Докладчики усматривали тесную преемственность между византийским и мусульманским этапами в социальном и экономическом развитии Восточного Средиземноморья, что удостоверяется аграрной историей современной Иордании (сообщение Э. Уолсмли), Фаюма (Р. Бегиол, К. Гобер), Северной Сирии (Ж.-П. Содини, А.-М. Эдде). Большой интерес вызвало сообщение Дж. Кинена, который опровергал принятые положения об аграрном кризисе в Фаюском оазисе в XIII в.: ни в XIII, ни в III–V вв. фаюмская деревня не знала упадка, некоторая реструктуризация хозяйственной жизни не может квалифицироваться как ее деградация.

Арабскому завоеванию в VII в. был посвящен доклад М. Бенаббаса на круглом столе “Византийская Северная Африка”. Автор ввел в оборот неизданный арабский памятник XIII в. – сочинение Ибн Шаббата “Силат ал-Самт” (рукопись хранится в Национальной библиотеке Туниса). Этот уникальный по подробностям источник о географии региона в византийскую эпоху, хотя и составлен шестью веками позже рассматриваемых событий, содержит их древнейшую версию и дает детальный список североафриканских поселений на время их захвата арабами.

На круглом столе по дипломатике А. Байхаммер в докладе “К типологии императорских писем к мусульманским адресатам в эпоху Македонской династии” по отрывкам и пересказам в арабских и сирийских источниках воссоздал реальный византийский формуляр официальных посланий василевсов.

Прозвучавшая в докладах восточная тематика отразила безусловно широкий спектр исследований проблем политической и экономической истории и судьбы культурного взаимодействия на территориях от Магриба до Средней Азии. Вместе с тем итоги Конгресса убеждают в наличии явного кризиса в византийско-восточных штудиях, наметившегося еще в 80-х годах XX в. По-прежнему мало византинистов, владеющих восточными языками, хотя византийско-восточная тематика все более становится предметом занятий именно византинистов. Восточные сюжеты приобретают в этих условиях маргинальный характер, а восточные источники, привлекаемые в переводах или пересказах, выступают как второстепенные. Подобная тенденция губительна для византистики: отношения Византии с Востоком, как мусульманским (арабским, персидским и тюркским), так и доисламским сасанидским, являлись краеугольным камнем не только внешней политики империи – они влияли на все стороны внутренней жизни Византии на протяжении всей ее истории.

Негативные тенденции проявились, во-первых, в замедлении ввода в оборот неизданных источников, в особенности архивных. Восточное письменное наследие (арабское, персидское, тюркское), хранящееся даже в европейских древлехранилищах, остается во многом не освоенным. Еще более сложной является ситуация с собраниями мусульманских архивов (Ирана, Средней Азии, Индии и др.). Византилисты, как правило, не выходят за пределы наличных критических изданий восточных памятников (или их переводов), уже отработанными предшествующими поколениями исследователей. Во-вторых, мы являемся свидетелями стагнации целых областей византистики: практически не изучается крупная тема “Византия и Иран в IV–VII вв.” (на Конгрессе лишь два докладчика – арменист Ф. Жиню и нумизмат А. Поттье – касались этой темы); затухает интерес к теме “Наука в византийском и мусульманском мире” (состоялся только один доклад о геомантии М. Мавроди). По важной проблеме “Христианско-мусульманская полемистика и догматические взаимосвязи” не было прочитано ни одного доклада.

Определенный спад характерен и в сфере византийско-османских отношений и в изучении византийско-арабского симбиоза в Южной Италии (на Конгрессе состоялся лишь один обзорный доклад С. Эфтимиадис на круглом столе по византийской Италии). На второй план отходят традиционные для науки XIX и XX веков темы, не получают развития и такие мало разработанные сюжеты, как “Византия и иранский мусульманский мир в XI–XV вв.”, “Византийское и мусульманское искусство” и др.

Нельзя вместе с тем не отметить, что ряд направлений в византийско-восточной проблематике получил в последние годы существенный импульс к развитию и нашел удовлетворительное отражение на Конгрессе, в частности христианско-мусульманские отношения в Анатолии с XI до XIV в. и византийско-арабские связи в Северной Афри-

ке. Следует, кроме того, признать в качестве положительной тенденцию к появлению трансвременных исследований ближневосточной истории, которые нацелены на анализ динамики экономических структур на больших временных промежутках, включающих как византийский, так и мусульманский периоды.

Как выше было упомянуто, Оргкомитет уделил в программе особенно большое внимание проблемам культуры и искусства. В рамках трех пленарных заседаний (“Византия между христианским Западом и мусульманским миром. Данные искусства”; “Афон – Святая Гора. Традиция и новации в искусстве”; “Византийское и поствизантийское. Периферия во времени и пространстве”), двух круглых столов (“Вне границ: икона в Византии в позднее время” и “Византийская Италия”) и семи секций свободных сообщений (“Иллюстрированные рукописи”, “Искусство поздневизантийского мира”, “Поствизантийская Греция”, “Византия и ее периферия”, “Византийская и поствизантийская иконография”, “Иконы”, “Священные и светские изображения в византийской традиции”) было прочитано около 130 докладов по изобразительному искусству.

Выступления имели самый разный характер. Как и раньше, достаточно четко обозначались различия в подходе и методах исследования между западноевропейскими и американскими учеными, с одной стороны, и представителями Греции и стран Восточной Европы – с другой. Доклады последних были в основном посвящены конкретным частным проблемам: мало изученным или недавно открытым памятникам, вопросам датировки и атрибуции, интерпретации или истории развития и распространения того или иного иконографического сюжета. Значительная часть сообщений имела форму обзора мало известного материала какой-либо коллекции или области. В западной византистике преобладает тенденция к максимальному расширению круга изучаемых памятников и проблем, к междисциплинарности и переходу от классического искусствознания к культурологии. Особенно много докладов ученых было посвящено искусству периферии и соседних с Византией территорий.

Многие заседания были намеренно составлены из сообщений, посвященных самым разнообразным аспектам византийской культуры: живописи, архитектуре, искусству малых форм, предметам быта, реликвиям, письменным источникам, литературе, палеографии, обрядам и церемониям и т.д. За такой планировкой заседаний угадывается стремление организаторов к всестороннему освещению той или иной проблемы и желание исследователей обогатить свою науку методами других дисциплин. Для историков искусства наиболее соблазнительными оказываются богословие, литургика и особенно источниковедение и политическая история; однако часто отсутствие необходимой подготовки в этих областях снижает научную ценность докладов. С другой стороны, стремление заменить методы традиционной истории искусства инструментарием других дисциплин приводит к тому, что произведения живописи, скульптуры и архитектуры начинают рассматриваться только как свидетельства об определенных социальных, экономических и политических процессах или как отражение конкретных идей (как правило, речь идет либо об имперской идеологии, либо о богословских спорах). Интересно отметить, что увлечение богословской и литургической интерпретацией иконографических программ и отдельных сюжетов пошло на спад, а функционально-социологический подход преобладает. Большой интерес у исследователей сейчас вызывают темы, находящиеся на стыке нескольких дисциплин. Одна из таких популярных ныне тем – реликвии и чудотворные иконы, особенности их почитания и связанные с ними обряды и сказания. Истории собирания и развитию культа реликвий, связанным с этим обрядам, сказаниям и идеологии был посвящен отдельный круглый стол.

В меньшинстве оказались доклады, целью которых было выявление и осмысление каких-либо крупных процессов или основных направлений в развитии искусства определенного периода в том или ином регионе Византийской империи. Такая проблематика преобладала в докладах пленарного заседания, посвященного искусству Афона. Е. Цигаридас представил всеохватный обзор памятников станковой и монументальной живописи X–XV вв. на Афоне; особое внимание он уделил недавно открытым произведениям. Главной задачей докладчика было соотнести эти памятники с другими произведениями и направлениями в византийской живописи, датировать и атрибутировать их местным школам (в первую очередь школам Константинополя и Фессалоники) или извест-

ным мастерам (Панселину, Михаилу и Евтихию, Георгию Каллиергису). Г. Галаварис рассмотрел основные особенности и этапы формирования местной традиции производства иллюстрированных рукописей на Афоне в византийское и поствизантийское время. Доклад Б. Тодича был посвящен изображениям новых святых в монументальной живописи Афона в XIII–XIV вв. и влиянию этих изображений на распространение культа этих святых. О.С. Попова говорила об одной иллюстрированной рукописи Слов Исаака Сирина и о проявлении аскетических умонастроений в византийской живописи XIV в. Доклады К. Ловерду-Цигарида “Произведения декоративно-прикладного искусства как выражение отношения Афона к церковной аристократии и политике Византии” и П. Георхаридиса “Архитектурная организация афонских монастырей в византийское время” дополнили эту панораму развития изобразительного искусства на Афоне.

Несколько иной характер имело пленарное заседание “Византия между христианским Западом и мусульманским миром. Данные искусства”. Прочитанные на нем доклады затрагивали такие разные аспекты византийской цивилизации, как одежда, керамика, готическая архитектура и восприятие изобразительного искусства вообще. Э. Катлер на основании анализа источников сделал несколько интересных выводов о том, как и почему ценилась роскошная одежда, которую правители дарили своим подданным и иностранным государям в Византии и мусульманских странах. В докладе М. Георгопулу, посвященном готической архитектуре в Греции и на Кипре в период латинского господства, развитие местной строительной традиции и готического стиля рассматривалось как отражение национального самосознания и политических амбиций разных слоев населения этих территорий. Сообщение В. Франсуа “Столовая посуда в Византии: ремесло и рынок, мало подверженные влиянию извне” имело характер добротного археологического исследования Ж.-М. Спизер выступил с историко-философским очерком эволюции представлений о Византии и византийском искусстве на Западе в новое и новейшее время. На фоне этих выступлений несколько неожиданно прозвучал доклад Р. Нелсона “Византийское искусство и Запад: асимметричные отношения”. Стремясь объяснить различное отношение к влиянию извне в византийском и средневековом западном искусстве, исследователь доходит до заключения о некоторых базовых различиях в функциях и восприятии образа в этих двух культурах. Задача западного искусства – рассказывать, учить, документировать и обозначать; искусство здесь служит как эквивалент слова, оно заменяет собой религиозное учение и политические идеи. Главная функция византийского образа – представлять первообраз и делать возможным общение между верующим и Богом; икона Христа воспринимается не только как знак, но и как следствие Боговоплощения, сделавшего возможным Его изображение.

Вероятно, потребность снова сформулировать идеи, лежащие в основе византийского искусства, появилась в противовес функционально-социологическому подходу и попыткам модернизации мировоззрения византийцев. Аналогичные цели были поставлены А. Вейл Карр, возглавлявшей круглый стол по поздневизантийской иконе. Чем был образ для византийцев, какой смысл они в него вкладывали и чего ожидали? Чем отличаются поздневизантийские иконы от произведений, созданных в другое время или в других землях? Установка на осмысление некоторых общих теоретических проблем так или иначе присутствовала почти во всех докладах, прочитанных в рамках этого заседания. Сообщения М. Хелдман (“Иконы св. Луки в Эфиопии”) и Б. Пенчевой (“Воображаемый Константинополь: копии и сказания об иконе Богородицы Одигитрии”) были посвящены особенностям почитания чудотворных икон. Две другие докладчицы говорили о взаимодействии византийского и итальянского искусства. Доклад Р. Корри был посвящен двум иконам Коппо ди Марковальдо и проблемам использования и усвоения византийских образцов в Италии в XIII в. Л. Хадерман Мизгиш говорила о трактовке пространства в критской иконе XVI–XVII вв.: при том, что критские мастера перенимали многие приемы итальянской ренессансной живописи, они стремились сохранять плоское пространство, которое воспринималось как главный критерий “иконности” изображения и как национальная особенность критской живописи. В докладах Э. Бакаловой (“Богородичные иконы в поздней Византии: понимание смысла специального заказа”) и М. Василяки (“Мария Палеологиня и ее иконы”) речь шла об истории и особых функ-

циях некоторых конкретных икон, заказанных по специальному случаю. Сообщение Е.Я. Остащенко было посвящено проблеме влияния византийского искусства на древнерусское в первой половине XV в. Э.С. Смирнова в докладе “Образ Христа в русских иконах конца XIII–XV в.” выделила несколько основных иконографических типов и выяснила, когда, где и откуда они появились и распространились на Руси, чем отличались, какие функции выполняли и на что оказали влияние.

Иконам была посвящена также одна из секций “свободных сообщений”. Здесь было представлено несколько обзоров мало известных коллекций поздневизантийских, поствизантийских и русских икон (Минск, Стокгольм, запасники Эрмитажа, Финляндия) и несколько сообщений, посвященных проблемам атрибуции, реконструкции и реставрации некоторых конкретных памятников. В двух докладах речь шла о несохранившихся иконах (Д. Линдсей Оппи “Первые иконы” и О.Е. Этингф “Средневизантийские иконы с Синая из коллекции Порфирия Успенского”). В ряде сообщений затрагивались проблемы почитания чудотворных икон и реликвий, в том числе влияние культа на иконографию (доклады Д. Попович о почитании реликвий Честного Креста в Сербии и И. Шалиной о влиянии обрядов, связанных с Плащаницей, на формирование иконографии Христа – Мужа Скорбей). В эту же секцию был включен доклад А.М. Лидова “Священство Богоматери в византийской иконографии”, в котором была осуществлена попытка нетрадиционной интерпретации некоторых деталей иконографии Богоматери.

В секции “Византийская и поствизантийская иконография” преобладали сообщения, посвященные истории одной иконографии или интерпретации одного конкретного сюжета. Н. Озолин (“Византийская иконография Преполовления Пятидесятницы”) и И. Синкевич (“Сретение Господне: драма и ритуал”) попытались уловить изменение богословского содержания определенной темы в эволюции ее иконографии на протяжении нескольких столетий. Другие доклады были посвящены интерпретации и поиску источников одного иконографического сюжета (И. Евтич “Некоторые замечания о персонализациях Земли в росписях эпохи палеологовского ренессанса”; Б. Милькович “Иллюстрация второй гомилии на Пасху св. Григория Назианзина”; З. Расолкоска-Николовска, “Богоматерь – Неопалимая купина в церкви св. Георгия в Горен Козьяк близ Штипа в Македонии” и др.). Несколько иной подход продемонстрировала В. Кепеци: в докладе “Отголоски политической идеологии в росписях одной церкви в Лаконии” она проанализировала иконографию Целования Петра и Павла в росписях Лаконии XII–XIV вв. и связала ее с проблемой взаимоотношений Западной и Восточной Церквей в период латинского господства. Многие докладчики, выступавшие в этой секции, говорили не об иконографии, а о стиле живописи и проблемах атрибуции. Особенно интересными были сообщения Ф. Дроссоянни “Стена-палимпсест и школа живописи в Наксосе” (о группе росписей XIII в.) и А. Василакериса “Эволюция палеологовского художника” (о проблеме индивидуального стиля художника, его эволюции и соотношении с общим стилем эпохи).

Самый разнообразный характер имели сообщения, прочитанные в секции “Искусство поздневизантийского мира”. Многие из них были посвящены новым или мало известным памятникам (М. Георгопулу Верра “Византийские фрески Северо-Западного Пелопоннеса XII–XIII вв.”; А. Кацелаки “Замечания о росписях церкви Богоматери Одигитрии в Аполлене (Лефкада, Греция)”; С. Габелич “Фрески Конче”; П. Милькович-Пепек “Некоторые новооткрытые иконы”). В ряде других докладов затрагивалась проблема взаимного влияния византийского и западного искусства. Особенно интересными были доклады В. Фоскулу об общих чертах в искусстве Восточного Средиземноморья в XIII в. и некоторых конкретных проявлениях западного влияния в росписях Оморфи Экклесия на о-ве Эгина (1287 г.) и К. Спану об основных направлениях кипрской живописи XIII в. и об одной мастерской второй половины века. Л. Мавродинова представила новую интерпретацию сюжета оборота знаменитой иконы из Поганова. Следует отметить также доклады М. Глигорьевич-Максимович “Характерные черты сербских ктиторских портретов XIII в.” и Д. Симич-Лазер “Особенности образа Христа – Мужа Скорбей в сербских церквях Моравы”.

Секция “Священные и светские изображения в византийской традиции” также объединяла самые различные темы и жанры. В докладах Э. Литтлвуда “Данныеобрази-

тельного искусства о византийских садах” и Ю. Дотерман Мэгуайр “Византийские соколы, приманка и пантеры” показано, что “светские” изображения были использованы как исторический источник для воссоздания некоторых аспектов жизни и мировоззрения византийцев. Отражение политической истории поздней Византии в иконографии Избиения младенцев было темой сообщения М. Камбури-Вамбуку. А. Страти (“Замечания о монументальной живописи Восточной Македонии XII в.”) и Э. Болтман (“Монашеские видения: росписи XIII в. в монастыре св. Антония на Красном море в Египте”) представили некоторые недавно открытые памятники монументальной живописи. А. Цакалос (“Путешествие в Вифлеем в сельских церквях византийской Каппадокии”) и Ж.М. Розеншгиль (“Давид, Соломон многие другие в композиции Сошествия во Ад”) выступили в традиционном жанре иконографического этюда. Сообщения Н. Изар и И. Голован были неудачными попытками интерпретации иконографии Сошествия во Ад и программы Софии Киевской.

Название пленарного заседания “Византия – Поствизантия. Периферия во времени и пространстве” отражает содержание более чем трети всех докладов по изобразительному искусству. Прочитанный на этом заседании доклад Л. Брубэкер “На полях византийского иконоборчества” был посвящен произведению искусства, свидетельствующим о реакции периферии на исходившую из Константинополя иконоборческую идеологию. Докладчица исследовала также несколько десятков храмов с нефигуративной росписью в Каппадокии, на Накосе, Родосе, в Трапезунде и других местах и доказала, что отнюдь не всегда такая декорация принадлежит к эпохе иконоборчества.

В секции по иллюстрированным рукописям также преобладала не византийская проблематика. Было прочитано только три доклада по греческим рукописям: Э.Н. Добрынина “Московская рукопись гомилий Иоанна Златоуста и группа рукописей конца IX – начала X в.”, Г. Бартхолф “Рукопись XI в. из монастыря Панагии Хозивотииссы на о. Аморгос” и А.В. Захарова «Миниатюры “императорских” менологиев». Остальные доклады были посвящены армянским, грузинским, молдавским и славянским рукописям. И. Рапти (“Иллюстрации лекционария Хетума II (Матенадаран 979). Источники и функции миниатюр”) и К. Маранчи (“Короли и рассказчики: изобразительное повествование в армянском романе об Александре”) сосредоточились на функциях миниатюр и соотношении иллюстрации и текста в двух богато иллюстрированных армянских рукописях XIII и XV вв. Э. Варданян (“Армянская иллюстрированная псалтирь XV в.”) и Э. Балицка-Витаковска (“Армянский свиток в университетской библиотеке в Уппсале”) представили сообщения, посвященные подробному разбору одного памятника. Е. Уханова (Россия), напротив, попыталась выявить общие черты в декоративном оформлении рукописей, созданных в разных областях восточнохристианского мира и в Италии; по ее мнению, эти черты свидетельствуют о влиянии византийской монастырской рукописной культуры.

Различным аспектам византийской культуры в Италии был посвящен один из круглых столов. Следует отметить сообщения И. Хутгер, выявившей основные особенности и этапы развития местной традиции иллюстрирования рукописей в Южной Италии в X–XII вв., и В. Паче, сообщившего о своеобразии восприятия и использования византийских моделей в средневековой Италии, об изменении смысла образов под влиянием иного контекста и художественной среды. В рамках секции “Византия и ее периферия” была прочитана серия докладов итальянских исследователей, представивших корпус памятников византийской живописи в Италии, готовящийся под руководством М. Бонфиоли. Большая часть этих докладов имела форму обзора византийских памятников в одной из областей Италии или презентации мало известных и недавно открытых произведений. Т. Штеппан представил недавно открытые фрески начала XIII в. в Тироле, в стиле которых, по его мнению, отразилось влияние позднекомниновского искусства. Доклады Я. Фольды и Н. Хелу были посвящены искусству Ближнего Востока эпохи владычества крестоносцев. Многие докладчики из Молдавии, Румынии, Украины и Белоруссии говорили об отражении и развитии византийских традиций в искусстве XV–XVII вв. в этих землях.

Поствизантийскому искусству была посвящена также отдельная секция “свободных сообщений”, на который выступали в основном греческие ученые. Преобладали

обзоры памятников той или иной области, презентация и атрибуция мало известных произведений.

На Конгрессе было прочитано более 50 докладов по архитектуре и христианской археологии. В целом их оказалось мало на пленарных заседаниях. Новым исследованиям Константинополя был посвящен один из круглых столов, а основная часть выступлений была распределена по секциям “свободных сообщений”. Как и на прошлом конгрессе византинистов, докладчики не пытались решать глобальных проблем развития зодчества или предлагать новую методику исследования. Большинство из них демонстрировали результаты последних археологических и реставрационных работ и освещали локальные вопросы византийской архитектуры. Тем не менее, общий объем информации расширил базу дальнейших исследований по зодчеству Византии и стран византийского мира.

География архитектурно-археологических разысканий отражает особенности научного интереса, возможности финансирования подобных работ и, не в последнюю очередь, специфику окружающего политического климата. Большинство исследований проводилось в последние годы в Турции, причем в районах, издавна доступных историкам архитектуры – в древнем Константинополе и южных областях Малой Азии. Помощь местным археологам и реставраторам оказывали научные центры Великобритании, Италии, США.

Среди раскрытых в Стамбуле построек, представленных Ф. Озгюмюшем (Турция), особый интерес вызывают две церкви: первая в районе Сиркеси и вторая в древнем монастыре Богородицы Перивлелты под армянской школой Саакян Нуян. Ранее предполагаемая в виде октагона, она имела структуру креста, вписанного в прямоугольник. О других выявленных памятниках Царьграда поведали Х. Четынка (Турция), К. Дарк (Великобритания) и А. Риччи (Италия), выдвинувшая гипотезу о назначении комплекса Кючюкiali на азиатском берегу Стамбула (обследовался в 1995 г.) в связи с обнаружением тут цистерны и остатков купольной церкви. Памятник, идентифицировавшийся ранее с дворцом Брианса императора Феофила (829–842), по мнению Риччи, являлся монастырем Сатира того же времени. Результаты реставрационных и исследовательских работ 1997–2000 гг. в комплексе бывшего монастыря Пантократора, пополнившие сведения о строительной технике XII и следующих веков, представил Р. Остерхут (США). С массивом Константинополя были тесно связаны его окрестности, в частности прилегающая территория Фракии. Дж. Кроу и Р. Бейлиз (Великобритания) обобщили итоги первого этапа (1994–2000) ее исследования, рассказав в частности об оборонительной системе VI в., тянувшейся от Черного до Мраморного моря более чем на 56 км и об артерии водоснабжения столицы длиной 250 км, с акведуками и подземными каналами.

Проблема сохранения наследия Константинополя была затронута итальянскими коллегами. История формирования Большого императорского дворца, организация экспонирования его памятников освещались Е. Болонези, а о каталогизации мраморных фрагментов Св. Софии рассказали К. Барсанти и Р. Фламенио. Отдельные памятники города удостоились специального анализа. Пространственно-сложная композиция Софийского собора была рассмотрена С. Уллеа (Румыния). Изучив исторический контекст создания храма св. Полиевкта (524–527) и его архитектуру, К.Л. Коннор (США) предположила мемориальный характер церкви, так и программа скульптурного убранства. Архитектурный замысел был обусловлен желанием принцессы Юлианы Аникии создать храм, в котором ее погребение соседствовало бы с останками мучеников. В докладе М. Саважа (Австрия) приведен анализ церкви св. Иоанна Предтечи в Трулле, условно датированной исследователем временем около 1100 г. Локализация “райских” монастырей Константинополя по данным печатей и сведениям из “Книги паломника” Антония Новгородского рассмотрена В. Булгаковой (Германия).

Внимание исследователей архитектуры Малой Азии было сосредоточено на обследовании ранневизантийских памятников. Две церкви, обнаруженные в последние годы, представил Р.Л. Ванн (США), а С. Алпаслан (Турция) рассказал о назначении фрагментов со скульптурным декором, во множестве обнаруживаемых при раскопках византийских памятников Малой Азии. С серией докладов о византийских памятниках Киликии

выступили итальянские ученые. Ф. Де Маффеи изложила результаты обследования дворцового комплекса Аккале, а трое ее коллег – М. Делла Валле, А. Парибени и А. Иакобини – представили архитектуру четырех базилик V в. города Канителы (совр. Канлидиване), к северо-востоку от Силифке в Турции.

Результатом другого значительного исследования ранневизантийских построек, на сей раз на Балканах, явилось изучение и реставрация комплекса VI в. в Парентиме (Пореч/Паренцо в Истрии), включающего церковные постройки и епископский дворец. Этому сюжету были посвящены доклады П. Шевалье (Франция) и И. Матейчича (Хорватия).

Внимание исследователей зодчества Греции и Кипра, напротив, было сосредоточено на памятниках средне- и поздневизантийского периодов и охватывало архитектуру Афона и южных областей. П. Теохаридис на пленарном заседании в докладе “Архитектурная организация Афонских монастырей на протяжении византийского периода” с сожалением отметил малую долю сохранившихся памятников. Особенно пострадали небольшие постройки, входившие в монастырские комплексы или служившие скитами и часовнями. Сообщения источников, как и основной тип сохранившихся монастырей, демонстрируют хорошо известную модель распределения различных построек вокруг двора, в середине которого высился кафоликон (эта структура по-разному трансформировалась в XVI–XIX вв.). Путешественники XVIII–XIX вв. сообщают подробности иерархической структуры использования монастырских дворов и построек. Устройство и состав построек комплексов зависел также от функциональных особенностей монастырей. Фактологический материал по афонским памятникам дополнили сообщения греческих исследователей – С. Мамалукоса и П. Андрудиса.

Строительную технику и композиции церквей Аргониды XI–XII вв., на юге Греции, проанализировала Г. Хаджи-Минаглу (Греция). М. Георгопулу (США) в пленарном докладе “Готическая архитектура и ее воздействие на латинскую Грецию и Кипр” отметила особенности зодчества церквей латинян в греческих городах на бывших византийских территориях после IV Крестового похода. Различия в строительной практике греков и латинян постепенно стирались вследствие проникновения черт готической архитектуры и в храмы православной конфессии. Со временем происходит изменение в восприятии готических построек от представления о них как иностранных и чуждых до признания в качестве родных образов, составляющих часть местного ландшафта. Та же проблема была затронута в исследовании небольшой латинской церкви в Мербаке на Пелопоннесе, представленном М.Л. Коулсон (Великобритания), которая датирует памятник третьей четвертью XIII в.

Докладов по архитектуре окраин империи и сопредельных стран оказалось сравнительно немного. Результаты исследования церковного комплекса св. Сергия в Нитле (Нитиле), в 10 км от Мадабы в Израиле, были изложены в двух сообщениях. М. Пиччирилло (Израиль) рассмотрел архитектуру комплекса с двумя параллельно построенными базиликами, перекрытыми арками и каменными плитами. В одной из них обнаружена надпись Аретаса – царя арабов времени Юстиниана I. И. Шахид (Великобритания) отметил значение впервые обнаруженного памятника, бесспорно возведенного Гассанидами, арабскими федератами Византии.

Украинские коллеги представили два исследования по археологии Крыма. А.Г. Герцен проследил превращение ранневизантийской крепости Дорос в Юго-Западной Таврике в город Феодоро XIV в. и его дальнейшую трансформацию в турецкую крепость Мангуп XV–XVIII вв. Ю.М. Могаричев рассмотрел и классифицировал около 20 пещерных монастырей горного Крыма.

Проникновение художественных форм ислама в памятники Абхазии византийской эпохи продемонстрировала Л.Г. Хрушкова (Россия), основываясь на исследовании плит алтарной преграды из Цебельды (вторая половина VIII или начало IX в.) и на анализе архитектуры дворца в Лыхны, первая фаза создания которого отнесена ученым ко второй половине X в.

Несколько выступлениями были представлены и памятники культуры славянских народов. Ориентация зодчих сербского короля Милутина (1281–1321) на широкий круг византийских храмов продемонстрирована В. Корачем (Югославия). П. Лекак

(США) и Е. Дерменджиев (Болгария) сообщили новые данные по архитектуре и росписям скальных церквей вдоль ущелья Русенский Лом у села Иваново в Болгарии.

Результаты раскопок 1996–1999 гг. на территории монастыря св. Михаила в Киеве изложил Г. Ивакин (Украина). Обнаружено, что апсида собора 1108 г. была оформлена лопатками и нишами. У юго-западного угла собора раскрыта трехапсидная церковь, а к северу от собора – каменные ворота XII в., некогда украшенные росписью.

Сопоставительному анализу вариантов пятинефных композиций храмов XI в. посвятил доклад А.И. Кочеч (Россия), показавший отличия пространственной организации соборов Св. Софии в Киеве, Новгороде и Полоцке от решений ряда построек в Византии.

За рамки отдельного региона выходят исследования и двух других архитектурных типов. Шестиэкседровые храмы Востока, по оценке Х. Голдфуса (Израиль), копировали церковь св. Евфимии на ипподроме Константинополя. Началу процесса способствовало перенесение императором Ираклием мощей св. Евфимии из Халкидона в эту столичную постройку. Предположения исследователя можно было бы подтвердить и на материале однотипных храмов Закавказья, наиболее ранний из которых – армянская церковь в Арагаце (вторая четверть VII в.). А.Ю. Казарян (Россия) привел новые доводы, связывающие армянские кафедралы типа четырехстолпных крестовокупольных триконхов с храмом Рождества в Вифлееме и проследил формирование аналогичных им грузинских и афонских соборов конца X – начала XI в. Началу изучения интересного вопроса отражения византийской строительной техники в грузинской архитектуре посвятил доклад Д. Хоштария (Грузия).

Взаимосвязи функциональных особенностей храмов и монастырей с их архитектурой рассмотрены в сообщениях И. Ианковеску (Румыния), С. Попович (США), Н. Сиомкоса (Франция) и др. Вопросы архитектуры и истории строительства храмов трактовались также в докладах Ж.-П. Маэ о культе Св. Креста в Армении, З. Схиртладзе о мучениках и мартириях Гареджийских монастырей в Грузии, Ж.-П. Содини и А.-М. Эдде (Франция) о судьбе северосирийских поселений в эпоху исламизации, С. Тамбаки (Греция) о перестройках церквей Фессалоники в мечети, Л. Теис (Германия) об иерархии зон храмов средневизантийской эпохи.

На различных заседаниях конгресса было прочтено около тридцати докладов, посвященных непосредственно “малым искусствам”, художественным ремеслам, пластической декорации храмов, орнаментам во фресковых росписях, или рассматривающих данный материал в историко-культурном аспекте. На пленарном заседании “Афон – Святая Гора. Традиция и новации в искусстве” драгоценные произведения церковной утвари фигурировали в докладе К. Луверду-Цигарида как свидетельства связей верхушки византийского общества с монастырями Святой Горы; анализировались обстоятельства вкладов, исторические судьбы предметов, а также круг вкладчиков. Доклады Э. Катлера (“Дарение одеяний в Византии и исламских странах: различие источников и сходство обычаев”) и В. Франсуа (“Столовая посуда в Византии: ремесленное сословие и рынок, мало подверженные внешнему влиянию”) на пленарном заседании “Византия между христианским Западом и мусульманским миром: данные художественного творчества” были связаны с произведениями художественных ремесел. В первом на основании текстов было показано, как и почему ценилась роскошная одежда, которую правители дарили своим подданным и иностранным государям в Византии и мусульманских странах. Второй представлял итоги исследования технологии производства, источником импорта и художественного своеобразия бытовавшей в Византии керамической посуды, приведенного автором к интересным и порою неожиданным выводам.

В рамках круглого стола “Реликвии Страстей Господних” Т. Метьюз и Э. Дендридж рассказали о результатах обследования и проблемах изучения выдающегося памятника, значительно пострадавшего от рук грабителей в 1989 г. – драгоценного реликвария Истинного креста, вложенного в 964 г. в Лавру святого Афанасия Никифором Фокой.

Одна из секций “свободных сообщений” “Скульптура X–XIV вв., шелкоделие и ткачество, камеи, ювелирное дело” была специально посвящена декоративно-прикладному искусству, но произведения “малых искусств” рассматривались также на других секциях отделения “Археология и история искусства”, так как распределение сообщений по секциям в ряде случаев было случайным.

Наибольшее число выступлений было посвящено произведениям византийских ювелиров. Сообщении Д. Пиже-Панайотовой представляло собой основательную атрибуцию замечательной серебряной курильницы юстиниановской эпохи с чеканными и резными изображениями из жизни Богоматери и черневыми надписями, хранящуюся в музее Анталии. О выдающихся произведениях средневизантийской церковной утвари, еще малоизвестных исследователям, говорилось К. Тотевым (“Два византийских процессионных креста из Великого Преслава”), связавшим найденные в древней болгарской столице памятники с константинопольской мастерской X в., и В. Ковеленко (“Новые византийские находки из Чернигова и его окрестностей”), в сообщении которого, наряду с рядовым материалом, фигурировало также уже опубликованное, но все еще ждущее серьезной атрибуции чеканное серебряное блюдо с рельефными изображениями св. Николая и святых воинов, являющееся, по нашему мнению, константинопольским произведением конца XI – начала XII в.

О драгоценных иконах речь шла в сообщениях П. Хеферингтона (“Оклад иконы *Sacro Volt* в Генуе и поздневизантийские эмали”), отметившего уникальность техники этого произведения XIV в. и его важность для изучения истории эмали, а также связавшего некоторые необычные черты его иконографии с историческими реалиями XIV в., В. Залесской (“Золотая икона Богоматери Елеусы из Эрмитажа в свете новых эпиграфических и археологических исследований”), существенно расширившей наши представления о выдающемся памятнике – миниатюрной наперсной иконе-мошевице, Анастасии Драндаки (“О серебряной иконе с изображением Благовещения из Музея Бенаки”), введившей в научный оборот новое произведение – небольшую серебряную чеканную икону неизвестного происхождения, изображение на среднике которой по иконографии сходно с одноименным клеймом на знаменитом грузинском окладе иконы Богоматери из Зарэмы. Икона из Музея Бенаки, отнесенная Драндаки на основании иконографических особенностей ко второй половине XII в., по нашему мнению, является блестящей антикварной фальсификацией, на что указывает как прекрасное состояние ее сохранности, невероятное для средневекового произведения, так и нарочитые утраты изображений на ее полях и заменяющие их “поздние” вставки.

Прославленным памятникам византийского сереброремесла, имеющим давнюю традицию изучения, было посвящено два сообщения. Э. Кисс (“Ставротека из Лимбурга, ее орнаментация и стилистическое многообразие”) говорила не только о перегородчатых эмалях ставротеки, но и о менее известных чеканных частях ее декора, Д. Ружа уточнил историю ставротеки из Эстергома в эпоху позднего средневековья и остановился на некоторых особенностях ее иконографии.

Каменной пластике были посвящены выступления С. Алпаслан о развитии и трудностях в определении предназначения византийской скульптуры Малой Азии; Е. Архиповой, предложившей атрибуцию двух фрагментарно сохранившихся рельефов (с изображениями частей фигуры святого воина и геральдической группы), найденных на территории Михайловского Златоверхового монастыря в Киеве и относящихся, по мнению автора, к наружной декорации храмов XI–XII вв.; М. Гладкой, продолжившей традицию исследования романских черт рельефов Дмитриевского собора во Владимире; А. Каввадиа, сообщившей о проблемах изучения византийской скульптуры Мистры.

О памятниках художественного ткачества говорили А. Мутесиус (“Влияние византийского шелка на ткани латинского и исламского миров”), А. Хедигер Краг (“Византийские шелковые ткани из собора в Одессе в Дании”), представившая два предмета из шелка, входящие в число реликвий святого Кнуда, М. Мартиниани-Кубур (“Армянские средневековые ткани: попытка идентификации”) и И. Куйчукова (“Декоративные мотивы византийских тканей по иконографии XI–XIV вв.: происхождение, эволюция и символика”). Об искусстве лицевого шитья речь шла в сообщении Х. Папаставру (“Византийское влияние в шитой пелене XIV в. из Бенедиктинского монастыря в Задаре (Хорватия”), проанализировавшей антепендиум с изображением тронной Богоматери с Младенцем и коленопреклоненного донатора, сочетающий византийские и западноевропейские черты.

Ю. Шапова (“Византия и мусульманский мир в произведениях резного стекла IV–XII вв.”) рассматривала на материале стеклоделия проблемы взаимоотношений двух

художественных миров и отстаивала мнение о возникновении производства резного стекла в Византии. И. Стерлигова (“Византийские и русские реликварии Страстей Господних XII–XIV вв.”) говорила о составе священных вложений и истории четырех древнейших из сохранившихся на Руси реликвариев Страстей. Интересное сообщение М. Шупут (“Мотивы архитектурной каменной декорации в поздневизантийских стенописях”) было посвящено орнаментам, заимствованным живописцами из репертуара рельефной каменной декорации и способствовавшим архитектурно-единству росписи храма. Ж. Альбани (“Средневизантийские камни”) коснулась основных проблем изучения византийской глиптики. М. Константудаци-Китромилидес сообщила о находке любопытного нотариального акта 1390 г. из Архива Венеции, описывающего драгоценности некой византийской дамы из императорской семьи, находящиеся в ее апартаментах в Кандии на Крите. Таким образом, на конгрессе были затронуты почти все виды византийского декоративного искусства.

Безусловно, весьма полезным было сделанное крупными специалистами на 5-й сессии обозрение работ по византийскому праву и определение основных задач предстоящих исследований. Эта важная область византиноведения, уже в течение нескольких десятилетий не пользующаяся должным вниманием, впервые в истории международных конгрессов византинистов была представлена на пленарное рассмотрение. Заседание состоялось 22 августа под председательством Д. Зимона. После его краткого вступительного слова состоялся доклад Ж. Бокампа о ранневизантийском праве в Египте по данным папирусов, содержащих отрывки из кодексов Феодосия и Юстиниана и из новелл. Б. Штольте рассмотрел давно занимавшую специалистов проблему степени самостоятельности византийского права сравнительно с римским и позднеримским (автор видит в праве Византии особый культурный феномен). Последний раз итоги исследований в сфере византийского права были подведены (за истекший послевоенный период) в 1958 г. на XI Конгрессе в Мюнхене. И все-таки теперь, через почти полу столетие, византинисты могут указать на новые существенные успехи: критические издания *Василик со схолиями*, актов Афона, Исаврийской Эклоги, Земледельческого закона, постановлений византийских императоров, ряда номоканонов, сохранившихся и в латинской, и славянской версиях. Иные итоги изучения византийского права в течение последнего десятилетия были подведены в докладе Л. Бургмана. Они позволили уточнить предложенную еще К. Цахариэ фон Лингенталем периодизацию (докладчик выделяет с VI до XIII в. 6 этапов в развитии права в Византии).

Свежим подходом к теме отличался четвертый доклад на данной пленарной сессии, сделанный Р. Макридис о правовых аспектах в литературных произведениях. Интересные новые наблюдения были сделаны в обстоятельном докладе Ф. Гория о категориях византийских юристов VI–XII вв., об их квалификации и месте в обществе.

Поздневизантийскому праву был посвящен доклад Э. Папаянни. Опираясь на изданный группой австрийских ученых под руководством Г. Хунгера и О. Крестена регистр Константинопольского патриархата, на труды Димитрия Хоматиана и Иоанна Апокавка и на правовые памятники поздневизантийской эпохи, докладчица пришла к выводу о плохом в то время соблюдении условий юридически оформленных контрактов и о том, что патриархия сплошь и рядом принимала решение со ссылками на императорские решения, цитаты из Священного Писания и даже на особые обстоятельства (бедность ответчика).

Ряд докладов и сообщений, посвященных правовой тематике, состоялся в рамках секции “Право, философия, науки”. Здесь К. Питсакис представил результаты своих изысканий по неизданному поствизантийскому юридическому сборнику Бонефидия Критского, а Л.А. Герд (Россия) выступила с сообщением о подготовке каталога поствизантийских юридических рукописей Российской национальной библиотеки. Особое внимание аудитории (в том числе крупнейших правоведа) привлекло сообщение на этой секции нашего делегата Ю.Я. Вина об опыте создания базы данных по изучению юридической и социальной терминологии правовых документов с использованием специальных компьютерных программ. Создание электронной версии базы данных, которую на материале 8-томного собрания законов (“Василик”) Центр “Проблемы исторического познания” Института всеобщей истории РАН (руководитель Центра К.В. Хвостова)

намерен, как сообщил Ю.Я. Вин, завершить в основном уже в 2001 году. Создаваемая база данных может послужить в качестве трудно переоценимого подспорья в работе историков права во всем византиноведческом научном сообществе.

Шестая пленарная тема (Византия – Поствизантия) носила главным образом культуроведческий характер (судьбы византийского наследия). Эта тема, как видно, может стать традиционной на конгрессах византинистов: особое внимание ей было уделено уже на XIX Конгрессе в Копенгагене.

Более плодотворным, сравнительно с аграрной проблематикой, представляется освещение на 7-й сессии вопросов истории поздневизантийского города, внешней торговли и политических отношений империи с итальянскими республиками в Восточном Средиземноморье. Основная цель докладчиков состояла при этом в уяснении истинных масштабов торговых операций западноевропейцев (преимущественно генуэзцев и венецианцев) в византийских городах в XII–XIV вв. и реального влияния латинян на жизнь империи в это время. Председательствовавший на сессии крупный специалист по истории Генуэзской Романии проф. Сорбонны М. Балар справедливо подчеркнул, что указанные выше проблемы не могут быть решены лишь на материале Константинополя. Поэтому исследователи в ходе последнего десятилетия закономерно обратились к городам на периферии империи, несмотря на ощущавшийся при этом крайний недостаток источников. Комниновская эпоха послужила, по его словам, “золотым мостом” для проникновения купцов-латинян в Фивы, Спарту, Коринф, Фессалонику, порты Крита и Кипра. После IV Крестового похода темпы этого проникновения усилились, возросли объемы торговли. На территории империи возникли постоянные фактории латинян. Увеличение масштабов торговли между Востоком и Западом было обусловлено экономической необходимостью, прежде всего демографическим ростом в итальянских городах. Они гораздо более остро нуждались теперь в византийском продовольствии и сырье (зерне, шерсти, коже, хлопке), чем в константинопольских изделиях роскоши. Политические перемены в империи и вне ее лишь создавали благоприятные условия для развития этой торговли.

Доклад К. Сиггара являлся, по сути, вводным к проблематике сессии, так как он анализировал самые понятия “византийский” (как ареал, находящийся не только под властью Империи, но и утраченный ею в XII–XIII вв.), “западное население” (как прежде всего итальянцев, доминировавших в торговле, и французов как главных участников Крестовых походов), “провинциальный город” (как все города империи, кроме ее столицы).

В докладе Л. Балетто было рассмотрено генуэзское присутствие в XIII–XIV вв. на Хиосе и в Фокее, удачно расположенных географически (на перекрестке коммуникаций, в христианском преддверии к миру ислама) и служивших центрами эксклюзивного производства (мастика, алюминиевые рудники и другие редкие продукты). Со второй половины XIII в. Генуя противостояла и здесь уже оформившейся Венецианский колониальной империи. И Хиос, и Фокея были освоены не столько республикой Генуя, сколько ее частными предпринимателями. Поддержка, которую генуэзцы оказывали здесь греческой церкви, обусловила заинтересованность в них византийских императоров.

Д. Якоби (Израиль) в своем докладе сопоставил два периода проникновения латинян на Балканы: с X в. до 1204 г. и с 1204 до 1261 г. Автор отмечает некоторую условность своей постановки вопроса, ибо Балканы не были едиными ни в политическом, ни в экономическом, ни в географическом отношении. Положение полуострова (Запад – Византия – Ближний Восток) обусловило быстрое и раннее проникновение латинян если не вглубь полуострова, то во всяком случае в морские порты региона. В первый период интенсификации экономических связей содействовали образованию латинских государств на землях империи, торговая экспансия в Египет и крупные привилегии Венеции, Пизе и Генуе, выданные императорами Византии. После 1204 г. темпы экономического и демографического проникновения латинян на Балканы, особенно в Грецию, возросли, ведущую роль играли при этом венецианцы, вкладывавшие большие капиталы не только в торговлю, но и в производство шелка. Влияние латинян привело уже в первой половине XIII в. к частичной переориентации экономики Балкан (производство продуктов, имеющих высокий спрос на Западе), к структурным переменам рынка и к росту масштабов обмена.

Аналогичные процессы на Кипре были рассмотрены в докладе К. Отген-Фру. Как период реального проникновения латинян в Византию докладчица считает XIII–XIV вв. и ищет ответа на несколько вопросов: о специфике и значении Кипра, о наличии здесь латинского населения, способного поддержать завоевателей, о реакции на захват острова крестоносцами (1191 г.) со стороны папства, франков Святой Земли, византийцев Константинополя и самих киприотов. Географическое положение Кипра (отдаленность от Константинополя и близость к берегам Малой Азии) определило его судьбу. До завоевания латинян остров служил для них только перевалочным пунктом в Святую Землю, пребывание там западноевропейцев было обычно кратким и распространялось только на прибрежную зону. Захват Кипра Ричардом Львиное Сердце не привел поначалу к заметным переменам в экономике острова. Папство смотрело на Кипр как на форпост по обеспечению безопасности латинских государств на Востоке, а западноевропейцы – по-прежнему как на перевалочный пункт по пути в Киликию, Сирию, Палестину. Однако венецианцы, генуэзцы и пизанцы (отчасти марсельцы и каталонцы) все активнее основывали на Кипре свои постоянные торговые фондаки и наращивали торговлю между Западной Европой и Восточным Средиземноморьем, как и в пределах региона (с Киликией, Сирией, Египтом).

Экономическим связям итальянских республик с Охридом на рубеже XII–XIII вв. был посвящен доклад Б. Панова (Македония). Основываясь преимущественно на письмах Феофилакта Охридского и на “Географии” Идриси, автор показал, как росли масштабы торговых связей: итальянцы ввозили текстиль, полотно, одежду, церковную утварь, золотые и серебряные украшения, а вывозили продукты сельского хозяйства и сырье (зерно, воск, мед, молочные продукты, шерсть, шкуры, крупный рогатый скот).

Доклады российских делегатов по проблемам латинского присутствия в византийском регионе, сделанные на пленарном заседании, представляли научную школу проф. МГУ С.П. Карпова. Поиск в архивах Италии и комплексное изучение неизвестных нотариальных актов являются одним из приоритетных направлений в работе созданной при историческом факультете МГУ Лаборатории истории Византии и Причерноморья. Итоги работы Лаборатории были отражены в докладе С.П. Карпова «Западноевропейцы в городах византийской периферии: “венецианское” Черное море в XIV–XV вв.» В фондах Венецианского государственного архива докладчик выявил 1191 акт, составленный в Тане тридцатью четырьмя нотариумами. Анализируя акты, он делит их на два комплекта: первый относится к 1359–1360 гг., второй – к началу XV в. Во всех этих документах идет речь о восстановлении фактории – сначала после изгнания итальянцев в 1343 г. и их возвращения в 1358 г., затем – после разрушения города Тамерланом в 1395 г. и его захвата татарами в 1410 г. Автор устанавливает этнический состав населения Таны (включая рабов, которые были здесь тогда главным товаром среди прочих – осетрины, икры, мехов и специй), представляя результаты анализа в виде наглядных таблиц. Рост числа русских рабов и сокращение числа рабов-татар было следствием перемен в расстановке сил в начале XV в.: ослабление Золотой Орды сопровождалось усилением бесконтрольных грабительских набегов татар и на венецианскую Тану и на русские земли. Несмотря на то что Тана находилась тогда на территории Золотой Орды, она принадлежала к византийскому миру: здесь была сильная греческая община, имевшая свою (православную) церковь и поддерживавшая активные торговые и культурные связи с Константинополем.

Пленарный доклад сотрудницы упомянутой Лаборатории А.А. Талызиной (Россия) был посвящен деятельности венецианского нотариуса Кристофоро Риццо, акты составленные им позволяют осветить некоторые важные стороны истории Таны в 1411–1413 гг. Анализ актов приводит Талызину к выводу о возможных английских корнях Кристофоро Риццо.

В пленарном докладе В.Г. Ченцовой (Россия) “Эволюция локальных рынков и присутствие западноевропейцев в балканских провинциальных городах XIII–XV вв.” рассматривались пути проникновения латинян (в основном венецианцев) на балканские рынки. В центре внимания автора – состояние поздневизантийской экономики: действительно ли XIII–XV вв. ознаменовались экономическим кризисом, отмечено ли это время преобладанием на местных рынках иностранцев и византийской феодальной знати. Исследо-

вательница пришла к выводу о несостоятельности недавно господствовавшей в историографии концепции о полном упадке торговли и натурализации византийской периферии того времени. Отсутствие точных количественных данных не может помешать, по мнению Ченцовой, более позитивной оценке поздневизантийской экономики, чем это делалось ранее.

Румынской ученой М. Добре в пленарном докладе на 7-й сессии “Венецианцы в фессалоникских источниках XV в.” освещена проблема на локальном материале (г. Фессалоники) отношений византийцев и латинян в драматической атмосфере XV в. В условиях осады города Мурадом II перед греками встал вопрос выбора между турецким или венецианским владычеством. И те, и другие были для жителей Фессалоники представителями чуждых культурных, религиозных и политических традиций. Из двух зол византийцы выбрали меньшее – христиан-латинян. Этот выбор отнюдь не понуждал фессалоникцев забыть свои отличия от латинян – он указывал в данном случае лишь на возможность диалога (“*altérité de dialogue*”). Совершенно иным было отношение фессалоникцев к туркам: они представляли “абсолютную инаковость” (“*altérité absolue*”).

Более широкой “городская” проблематика была представлена и на круглых столах и в секциях: здесь ставились вопросы типологизации городских поселений, развития внутреннего и внешнего рынка, монетного обращения, градостроительства и возведения городских оборонительных укреплений. Упомянем в этой связи сообщения С.В. Близинок, А.Г. Еманова, М. Геролимату, В. Гюзелева, В. Неранци-Вармаци и Н. Несипоглу.

В целом следует заметить, что при рассмотрении на Конгрессе неизменно актуального вопроса о роли латинян в экономической и политической жизни Византии в докладах западных (а отчасти и российских) ученых была отчетливо выражена тенденция к преодолению еще недавно господствовавших однозначно негативных оценок. Не без преувеличений, однако, старые оценки заменялись новыми – почти столь же однозначно позитивными.

Тематика последней 8-й пленарной сессии была на этот раз значительно расширена. Помимо традиционной информации (издательская деятельность Ассоциации, состояние работы над проектами по византийской просопографии и созданию базы данных по библиографии, новое в исследовательской технике и т.п.), на 8-й сессии было сделано 10 сообщений о состоянии исследований в смежных дисциплинах (палеография и кодикология, дипломатика, лексика и язык, эпиграфика, быт и материальная культура, искусство, историческая география, музыка, нумизматика, сигиллография), а также несколько докладов о научном наследии, сохранившемся в архивах византинистов старших поколений: Санкт-Петербургских (здесь уместно упомянуть интересный доклад И.П. Медведева об архиве российских византистов в Санкт-Петербурге), германских (доклад Ф. Тиннефельда о “Крумбахериане”), болгарских (доклад А. Джуровой и П. Шрайнера о деятельности и собраниях научного центра “Иван Дуйчев”).

Теперь коротко – общая характеристика работы круглых столов. В целом тематически на 25-ти круглых столах преобладали проблемы, связанные с религией, историей церкви и монашества (7 круглых столов) и проблемы литературы, науки, культуры и искусства (8 столов). Помимо упомянутых выше круглых столов по аграрно-экономической тематике, отметим специально два круглых стола, на которых трактовались социальные аспекты жизни византийского общества (“Элита империи в эпоху экспансии” и “Прошения поданных к императору”).

Что касается тематики сессии “свободных сообщений” то она, как это обычно бывает на секциях международных конгрессов, была чрезвычайно пестрой, охватывая в сущности все отрасли византиноведения как комплексной дисциплины, и была в меньшей мере, чем тематика круглых столов, соотнесена с проблематикой пленарных докладов. Приоритетными были и здесь темы, связанные с историей религии, церкви, культуры и искусства (16 сессий из 27). Специальными были сессии, посвященные смежным дисциплинам (нумизматике, сигиллографии, археологии). На одной из сессий трактовалась проблема, бывшая на XIX Конгрессе в Копенгагене одной из главных, а именно проблема этнополитической идентичности (“Византия и другие”. Этой сессией руководил И.П. Медведев).

Что касается проблематики докладов и сообщений российских делегатов, то о них следует сказать особо. В целом эти доклады, выступления и сообщения находилась в русле кратко охарактеризованной выше тематики мирового византиноведения. Наши делегаты на Конгрессе также продемонстрировали почти полное отсутствие интереса к некогда ведущей в российской византистике социально-экономической теме. Хозяйственная жизнь города косвенно освещалась лишь в докладах С.П. Карпова, В.Г. Ченцовой и А.А. Талызиной, а аграрная проблематика – только в одном сообщении Г.Г. Литаврина. Более того, специфика в тематике докладов российской делегации заключалась даже в относительно большем внимании, сравнительно с докладами делегатов других стран, к проблемам искусства (16 докладов), религии и церкви (10 докладов) и вопросам источниковедения (13 докладов в связи с анализом источников религиозно-церковного содержания).

Данная особенность современного российского византиноведения вполне объяснима: широкий интерес к искусству Византии и высокий научный уровень российского искусствоведения издавна обусловлены значительным количеством памятников византийского искусства, хранящихся в музеях России. Повышенное внимание к конфессиональным вопросам объясняется также длительным перерывом в их изучении в советское время. Теми же в основном причинами определяется особый интерес (причем прежде всего со стороны молодых ученых) к источниковедению, так как среди письменных источников, впервые по-настоящему вводимых в научный оборот, имеется множество памятников житийной литературы, богато представленной в отделах греческих рукописей наших древлехранилищ.

В целом существенный вклад в научные достижения XX Международного конгресса внесли несомненно и российские византилисты, представляющие теперь византиноведческие центры не только в европейских регионах России, но и в Сибири, и на Дальнем Востоке. Подавляющее большинство докладов российских делегатов по указанным темам было сделано на высоком научном уровне, о чем говорится в письме организаторов Конгресса, полученном Отделением истории РАН, дирекцией Института всеобщей истории РАН и Центром по изучению византийской цивилизации этого института вскоре после завершения форума.

Нельзя не выразить, однако, сожаления по поводу ярко проявившейся диспропорции и односторонности в тематике современных исследований российских византистов (в особенности молодых). Самое главное состоит в том, что за пределами их внимания остается основной фонд источников по истории Византии во всем их жанровом разнообразии. Без овладения же этим фондом трудно рассчитывать на успешное становление византиниста-профессионала. На преодоление указанной тенденции потребуются, по-видимому, значительное время в условиях ослабления планирования научных исследований и приверженности молодежи к полной самостоятельности при определении приоритетов собственного научного поиска. Приходится надеяться прежде всего на здравый смысл становящихся на ноги молодых специалистов и на естественное их желание сказать веское слово в науке.

В целом XX Конгресс свидетельствовал об активизации византиноведческих исследований в мире, о росте научного авторитета Международной ассоциации, о появлении новых имен видных специалистов, о большом притоке в науку о Византии способной молодежи. На пленарных сессиях, на круглых столах и в секциях было высказано не мало новых оценок, наблюдений и гипотез. Весьма полезной и важной была информация о новых археологических открытиях, о находках неизвестных ранее печатей и монет, о вводимых в научный оборот новых письменных источниках и об освоении архивных материалов по истории византиноведения.

Помимо отмеченного выше отхода от постановки на Конгрессе крупных социально-экономических проблем, определенным недостатком можно считать также отсутствие в программе таких кардинальных вопросов, как судьбы ранневизантийского города, эволюции административной системы, специфики византийской культуры, методологии научных исследований (при преобладающем ныне преимущественном внимании к фактологии).

Проведение Конгресса сопровождалось мероприятиями культурно-познавательного характера. 24 августа “византийским хором” Греции и органичным ансамблем париж-

ского собора св. Этьена для участников Конгресса был дан концерт “благочестивого пения”.

Работу Конгресса украшали также организованные хозяевами четыре выставки византийских древностей: 1. Заново обретенная Византия. Эрудиты и путешественники Франции XVI–XVIII вв.; 2. Сокровища Святой Капеллы; 3. Сокровища Византии. Греческие рукописи Французской национальной библиотеки; 4. Византийское искусство в коллекции Габриэля Мийе (историка искусства: 1867–1953).

Для участников Конгресса был открыт бесплатный доступ в библиотеки и ряд музеев Парижа, прежде всего в Лувр.

Были организованы и выставки книг по византиноведению, вышедших между двумя конгрессами, т.е. между 1996 и 2001 гг. Их устройством в данном случае занимались не нацкомы, как в основном это было ранее, а издательства, причастные к византистике. Наша выставка в большей части ее состава была обеспечена петербургским издательством “Алетейа”, опубликовавшим начиная с 1996 г., более полусотни научных книг о Византии, два тома серии “Славянская библиотека”, три выпуска серии “Причерноморье в средние века”. В немалой мере по этой причине выставка российской литературы имела явный успех. Помимо книг, опубликованных данным издательством, на выставке были представлены более 30 книг, опубликованных другими издательствами, в том числе 5 томов “Византийского временника”, крупные публикации по искусству Византии и др. Большинство книг с выставки российской делегации, по нашей давней традиции, было подарено нами и издателями библиотекам Сорбонны и Коллеж де Франс, т.е. хозяевам Конгресса.

В ходе Конгресса состоялись 4 приема: два организованные Оргкомитетом при открытии и закрытии Конгресса, один, данный президентом Ассоциации Жильбером Дагронном для Международного комитета Ассоциации в Малом Люксембургском дворце – резиденции сената, и один, устроенный Немецким институтом истории в Париже.

21 и 23 августа имели место заседания Международного комитета. От России в них как члены Комитета участвовали председатель Нацкома византистов России Г.Г. Литаврин и его заместитель И.П. Медведев. На первом заседании были заслушаны отчеты президента, генерального секретаря и казначея, а также руководителей комиссий.

На заседании 21 августа были названы нацкомы (в том числе российский), не имеющие (включая 2001 г.) задолженности перед Ассоциацией по ежегодным взносам.

На втором заседании 23 августа в состав Ассоциации были приняты Грузия, Эстония и Турция (с настоятельной просьбой к турецкой научной и культурной общественности принять все меры к прекращению систематического разрушения византийских памятников на территории Турции).

На этом же заседании было избрано новое бюро Ассоциации. Президентом на альтернативной основе был избран профессор Кельнского университета Петер Шрайнер (бывший до этого казначеем). Результаты тайного голосования: 50 бюллетеней из 57 за П. Шрайнера. При одном недействительном бюллетене и отсутствии бюллетеней против были избраны генеральным секретарем Ассоциации Евангелиос Хрисос (Греция), а казначеем – Сесиль Морриссон (Франция). Почетным президентом стали Ж. Дагрон и К. Манго. Членами Международного комитета с правом голоса остались на новый срок Г.Г. Литаврин и И.П. Медведев. Литаврин сохранил звание вице-президента Ассоциации (их в настоящее время 9). Местом очередного конгресса в 2006 г. был определен Лондон.

Г.Г. Литаврин (общее обозрение, деревья),
М.В. Бибилов (литература),
Р.М. Шукуров (Запад – Восток),
А.В. Захарова (изобразительное искусство),
А.Ю. Казарян (архитектура),
И.А. Стерлигова (декоративно-прикладное искусство),
Л.А. Герд (право),
А.А. Талызина (западноевропейцы в провинциях империи).